

ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ Аркадию Исааковичу не легко потому, что вот уже четыре десятилетия он всем своим творчеством отвечает на те вопросы, которые может поставить жизнь. Райкин-артист, Райкин-мыслитель отвечает на вопросы и в свою очередь ставит их перед зрителем.

Наше интервью с Аркадием Райкиным все же состоялось. И теперь, когда гастроль выдающегося артиста и его товарищей уже начались, самое время рассказать об этом.

Началась наша беседа с вопроса: «Ваш любимый театр, ваш любимый спектакль?».

Аркадий Исаакович сразу заговорил о Театре драмы и комедии на Таганке.

— Я смотрел недавно «А зори здесь тихие...». Это незабываемо. Впечатление настолько сильное, что его невозможно расплескать. До этого, как и многие другие, думал так: Любимов, показывая себя, свое видение жизни, нередко теряет на пути актера. Во всяком случае именно такое впечатление я вынес из тех спектаклей, которые довелось посмотреть прежде. Новый спектакль заставляет по-иному взглянуть на все это.

Итак, Таганка. Не нуждается в специальных рекомендациях «Современники». А какой поистине удивительный актерский коллектив у нас в Большом драматическом театре!

Но, может быть, самое сильное мое впечатление от студенческих театров. Несколько лет назад, когда я был председателем жюри, мне довелось просмотреть около ста работ таких театров. Что более всего радовало? Эти совсем молодые и далеко не профессиональные актеры своими глазами смотрели на мир, пытались воевать и действительно воевали за доброе начало против злого.

Я вам так скажу, переиначив Эзопа: нет ничего выше искусства актера, нет ничего ниже искусства актера. Наклеив бороду, не станешь человеком, которого пытаешься изобразить. Надо выстрадать свое право воплощать на сцене именно этого человека, его духовный мир, его особенность, причем внешние лишь в последнюю очередь...

Наш театр появился не на пустом месте. В свое время, еще до революции, театры миниатюр вырастали, как грибы. Незаметно вырастали и незаметно исчезали. Почему? Да потому, что они занимались лишь пародированием. У них не было никаких принципов, никаких идеалов. Вот и получались пустячки. Мы в свое время поняли, что нуж-

Дни показа литературы и искусства Ленинграда в Петрозаводске

Добрый и злой волшебник

но дело. Надо, ниспровергая зло, утверждать добро. Это общее требование и к искусству, и к литературе.

— Мои любимые писатели? Невозможный вопрос. Их много. А все-таки? Хорошо — Хемингуэй, Булгаков, Гоголь, Чехов, Зощенко, Мозм... Бабель говорил, примерно так: каждый человек должен прочесть 8—10 главных книг. Каких? Для того, чтобы это узнать, следует прочитать 15—20 тысяч.

Вот так же и в искусстве. Чтобы узнать, какая твоя работа главная, надо сделать все, что задумал. А жизнь не перестает нам суфлировать, каждый день, каждый час. Вот, например, тема:

— Что делает ваша жена?

— Ничего не делает. Сидит дома.

— То есть как это ничего! То есть как это сидит дома, если она воспитывает Человека!

Вы знаете, что больше всего радует? Мы поняли сущность самого важного. Надо научить всех людей самостоятельно мыслить. Надо радоваться, а не огорчаться, если человек мыслит самостоятельно. Этого, конечно, добиться нелегко. Но надо это делать.

Теперь мы сами должны в каждом случае решать, есть ли смысл, выгодно ли это, стоит ли этим заниматься. В давние времена как получалось? «Красный траугольник» выпускал калоши. Чем больше будет этих калош, тем

лучше. И никому не было дела до того, что калоши уже никто не носит, что где-то этими калошами уже начинают печки топить.

Сейчас так нельзя. Нам дороги государственные интересы. Интересы наших людей. Мы должны защищать Человека от Нечеловека. Этим и занимается доступными ему средствами наш театр. Помогает ему в этом авторский актив. Из профессиональных писателей, например, к нам теперь подключился Леонид Лиходеев, и наше содружество обещает быть интересным. Но помогают нам и непрофессиональные литераторы, которые нередко создают весьма профессиональные вещи. Вот любопытный факт. Среди наших авторов 10 инженеров. Они приносят свои темы. Они приносят миниатюры. И темы эти, и миниатюры дороги, прежде всего, тем что рождались они на переднем крае жизни и создавались теми, кто находится в гуще этой жизни.

Иногда немало времени проходит, прежде чем то или иное произведение мы включим в репертуар. Но вот начинается работа над ними. Вы знаете, что из себя представляет репетиция в нашем театре? Она должна дать ответ на множество тут же возникающих вопросов. Стоит ли? Надо ли? На пользу ли? Вовремя ли? Не рано ли? Мы сами суровые судьи и цензоры своих произведений. Но высший судья, конечно, зритель. Он-то и скажет — нужно или не нужно. И если скажет, что нужно, это очень радостно.

О мнении зрителя мы узнаем, как и все театры: оно определяется исходя из его реакции на увиденное. Но есть еще один канал. Письма. Сколько их получает, например, районная газета?

— Тысячи две.

— Так вот мы получаем их много больше. Во много раз больше. И в них темы, предложения, оценки и жалобы. Да, жалобы. Конкретные. Такие, на которые нельзя не реагировать. Раз люди считают наш театр инстанцией, значит, и мы обязаны быть на высоте требований, предъявляемых к инстанции.

Так рассказывал Аркадий Райкин.

Бывают волшебники добрые. Бывают волшебники злые. Но таких волшебников, которые были бы и добрыми, и злыми одновременно, нет в мире сказки. А вот Аркадий Райкин именно такой волшебник. И добрый, и злой. Он добрый, потому что каждое его выступление продиктовано высоким идеалом, лю-

бовью к людям, к нашей Родине. Именно в силу этого он злой и непримиримый ко всему тому, что страстно ненавидит, и выжигает это серной кислотой сатиры.

«Волшебники живут рядом», — именно так назывался один из спектаклей Театра миниатюр. В этом спектакле мы знакомимся с разными волшебниками, знакомимся благодаря тому, что встретились с удивительным волшебством Аркадия Райкина.

В некотором царстве, в некотором государстве... Так в сказке. А у Райкина не так. У него всё и всегда конкретно. Настолько конкретно, что конкретные носители зла узнают себя в этих беспощадных портретах.

Зритель, он тоже и добрый, и злой, он готов грудью стоять за добро, и с открытым забралом выступать против зла. Он, зритель, дал народному артисту Советского Союза открытый лист на право говорить от его имени.

Добрый и злой. Так бывает всегда. Так было и в спектакле «Избранное», которым 5 сентября театр начал свои гастроли в Петрозаводске. Как и в других работах этого талантливого коллектива, гоголевское и зощенковское существовало здесь в особом сплаве фантастического и бытового. Страстным выступлением против человека-маceneка за человека-творца прозвучал этот спектакль, в котором вновь ярко раскрылось дарование Аркадия Райкина и других участников представления, в котором трансформация, юмореска, публицистика жили вместе и очень дружно.

Зритель оценил по заслугам филигранное мастерство всех, кто был занят в спектакле вместе с Аркадием Райкиным. Это — заслуженный артист Г. Новиков, артисты В. Лахотинский, Т. Кушелевская, Р. Рома, М. Максимов, В. Горшенина, И. Еремеев, Л. Гвоздикова, Н. Соловьева, В. Михайловский, И. Минкович.

— Зачеркнутый минус — это уже плюс! — такова главная мысль, которая прозвучала в этот вечер. Одна сцена сменяла другую. И острота в них жила не во имя остроты. Это была выстраданная острота, — проявление гражданственности. Острота в интересах дела, продиктованная уверенностью в том, что перечеркнутый минус это уже плюс. Так как же не приветствовать такую остроту!

— В Англии, представьте, — сказал Аркадий Исаакович, — нам запретили некоторые острые вещи. Честно говоря, это

было для нас совершенно неожиданным. Ведь нам казалось, что мы подвергаем осмеянию нечто свое, исконно свое, нашинское. Но англичане люди трезвые и очень четко обосновали свою позицию. «Вот вы показали бюрократу. Хорошо. Вероятно, у вас есть бюрократы и вы их критикуете. Но поймите, истинный, так сказать, самый совершенный бюрократ живет в Лондоне. Это наш персонаж. Если хотите, исторически наш. Каких, можно сказать, совершенных бюрократов воссоздал тот же Диккенс. А почему? Потому что их полно в Сити».

Показывали мы лестницу славы. Так сказать, вверх — вниз. «Нет, у нас это не пойдет, — хладнокровно заявили англичане. — Не пойдет. Такие взлеты и падения, какие бывают в стране Альбиона, вам и не снились! Не пойдет».

И наконец, пострадал еще такой эпизод. Сидит человек за столом, читает газету. Потом на мгновение он прикрывает ею лицо, а когда опускает руки, оказывается: это человек без головы. Шея есть. Головы нет... «Не пойдет, — развели руками англичане. — Даже речи быть не может об этом. Поймите нас правильно. Конечно, и у вас есть безголовые. Но проходит определенное время, и как только все убеждаются в этом, такого снимают с работы. А у нас? Если у дурака тугая мошна, то к нему подступаться опасно. Безголовые характерны для нас, ибо они остаются на своих постах всю жизнь».

— Так вот и исключили лучшие номера, — огорченно улыбается Аркадий Исаакович. — Очень обидно было. Мы ведь так готовились к этим гастролям. Целый год. Вся программа шла на английском языке и показывали ее в телевизионном театре. Выходит, смотрела и слушала нас почти вся Англия.

Таков Райкин. Где бы ни доводилось ему выступать, на родине или за рубежом, в сверкающем огнями театре или в скромном сельском клубе, он всегда помнит о предназначении своего искусства, о его принципиальной направленности, о том высоком идеале, который составляет основу творчества зыскательного художника.

...Бывают волшебники добрые, бывают волшебники злые. Он — и добрый, и злой. Таким и должен быть сегодня волшебник. Как приятно, что он живет рядом.

Ис. БАЦЕР.